

ЭТИМ
ДЫШУ
И ЖИВУ

Илья ГЛАЗУНОВ: «ИСКУССТВО ВСЕЛЯЕТ УВЕРЕННОСТЬ»

Недавно открытая рубрика «Литературной России» — «Этим дышу и живу» предлагает выступления писателей разных поколений, которые поделятся с читателями сокровенными раздумьями о времени и о себе, о литературе — в главном деле своей жизни. Под этой рубрикой выступили уже поэты С. Куняев и В. Коротаев, но и представителем родственных искусств есть что рассказать читателям газеты о литературе, о путях постижения Родины, о месте художника в нашей жизни. Сегодня «Литературная Россия» публикует беседу с известным художником Ильей Глазуновым.

ОН ЖИВЕТ неуемно, страстно, вдохновенно. Времени не хватает: рабочий день заканчивается, как правило, за полночь, а ранним утром он уже на ногах. Я заметил одну деталь его всегдашнего рабочего состояния — костюм и галстук: сейчас он стоит у мольберта, а через час его ждут в приемной министра. Мелочь, штрих, но именно этим оттеняется будничность его работы, его деятельности. Стоит лишь на секунду замешкаться в разговоре с ним или уйти в сторону от конкретного дела, как следует sacramentalная фраза: «Некогда, ближе к делу!» Его дом открыт для всех: я знакомился здесь с художниками и дипломатами, известным медиком и мастером-реставратором. Сюда приходят не для праздничной беседы, у всех есть дело и хозяйню дома, а у него есть дело не всем.

Народный художник СССР, профессор, директор музея Ильи Сергеевича Глазунова всегда в поиске, в движении, в работе. Замыслы, идеи преодолевают. Их много, но если даже на сотню воплощается одна — значит сто задуманных не напрасны. Только что вышла прекрасно изданная книга «Задуманное» с его иллюстрациями, над ней он работал пять лет. В книжках и нижних магазинах продается комплект открыток «Александр Блок в иллюстрациях И. Глазунова». В предисловии сказано, что они сделаны с глубоким пониманием сути творчества Блока и соответствуют поэтическому настроению поэта. Чтобы воплотить эту работу, надо было родиться в Ленинграде, полюбить город великого русского поэта. Когда-то задумал организовать портретную мастерскую, чтобы передавать свой опыт молодым — в будущем году будет первый выпуск. Загорелся создать проект (в ответ на официальное приглашение) нового здания посольства СССР в Испании, и сейчас вместе с архитектором А. Поликарповым идет его осуществление. Одесский театр оперы и балета поставил «Маскарад» Хачатуряна — декорации писал И. Глазунов. Международный Олимпийский комитет предложил художнику написать панно — историю олимпийского движения — в штаб-квартире в Лозанне. Отказа не последовало. Кроме этого, выставки, вернисажи, поездки по свету, выступления в печати по наиболее важным проблемам художественной жизни...

Все это Илья Глазунов... Этим всем он живет и дышит. Споры вокруг его имени не утихают уже долгие годы, с первой выставки его студенческих работ в Москве, в Центральном Доме работников искусства, до одной из последних работ — создания для штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже монументального панно, посвященного вкладу народов Советского Союза в мировую цивилизацию и преподнесенного ЮНЕСКО в качестве дара Советского правительства.

— Самая таинственная связь между людьми, — говорит Илья Сергеевич, — осуществляется через искусство. Искусство вселяет уверенность, человек ждет от него ответа на вопросы: что было с ним, с человеком, в прошлом и что будет завтра? Черный квадрат Малевича не может дать ответа на этот вопрос. Вот почему человек тянется к улыбке младенца на полотне Рафаэля или к живому теплу человеческого тела Рубенса. Ответить на эти вопросы поможет и Рублев, и Суриков, и Врубель...

С детства любимая мной игрушка ванька-встанька — символ нестигаемости и духовной стойкости русского народа. Ка-

кая бы злая сила на него ни посягала, какие бы вихри истории над ним ни пронеслись, пробивал урочный час, и народ снова и снова вставал на борьбу и побеждал.

Так и художник, если он верит в свое предназначение, в свой талант, он обойдет преграды, которые ставят на его пути те или иные жизненные обстоятельства. Мне близки те художники, для которых внутреннее видение, образ требуют мучительно напряженного поиска воплощения.

Как и многие художники, я прошел нелегкий путь в искусстве. Между тем всю свою творческую жизнь я доказываю только одно — свою скромную причастность к искусству России. И я горжусь тем, что меня называют русским художником. В тяжелые минуты раздумий и неверия высшим судом и поддержкой было для меня признание сотен и тысяч моих соотечественников — рабочих, ученых, студентов... Это признание я отношу только за счет моих искренних побуждений быть певцом России, Отечества в его многовековом бытии.

Когда я говорю о России, я имею в виду и сегодняшнюю реальную жизнь, и ту историческую перспективу, которая согревает своим теплом и указывает дорогу из вчера в завтра. Куда бы я ни приезжал, в любой точке России я ощущаю основы ее исторического бытия — ее древние храмы, кремли, погосты, ее памятники. Именно они сформировали мое мировоззрение, мои взгляды и на прошлое России, и на ее будущее.

Говоря о прошлом, я понимаю, что оно выражается в искусстве через современное восприятие. Современность есть внутренняя правда жизни. А жизнь духа народа всегда вечна. Главное в том, отвечает ли художник на вопросы, которые ставит время, и как он отвечает на них. Важно, что хочет сказать художник, о каких духовных ценностях ведет он диалог со зрителем.

...В мастерской Глазунова в Калашном переулке центра Москвы звучит мелодия Баха. Мне кажется, я нахожусь в музее: иконы, картины, древние книги, старинная утварь...

Художник только что вернулся из Ленинграда, куда он ездил на свидание с Эрмитажем. Бродил по его залам, бродил один (он считает, что только в одиночестве можно полностью отдаться впечатлению от шедевров).

— Бывать в Эрмитаже для меня — праздник. Праздник и труд. Трудится душа. Часть моего внутреннего «я» как бы отлетает и сливается с замыслами великих мастеров. Здесь, в Эрмитаже, я испытываю весь спектр человеческих эмоций и чувств: от сострадания, от слез до экстазного восторга, от светлой зависти до умиления. В Эрмитаже я продолжаю учиться, ибо творчество мастеров прошлого для нас, потомков, — вечная учеба. Кем бы мы ни были, какими бы званиями и

наградами ни были облечены. — Илья Сергеевич, наверное, вам близок Эрмитаж еще и потому, что вы — ленинградец и вам дорого все, что связано с этим великим городом?

— Знаете, это так и не совсем так. Ведь в Москве тоже есть прекрасные музеи, но я считаю, что Эрмитаж — это нечто единственное, это подлинный оазис всей мировой культуры, сокровищница цивилизации.

Да, я ленинградец. Здесь прошло мое детство, и я помню еще извозчиков на пролетках, помню первые дни войны, развороченный черный снег от взрывов — блокадный Ленинград, из которого меня вывезли в глухую новгородскую деревню Гребло.

— И там вы увидели другую Россию, Россию крестьянскую, сельскую, которая позже войдет в ваши картины...

— Да, Россия многолика, и если бы судьба не занесла меня туда, то не открылся бы мне мир русской деревни, потому что, как и все городские мальчишки, я ездил летом только на дачу. Контрастом для меня было после города на Неве попасть в объятия российских просторов. Поражало все: зеленый бор, темные леса на берегу озера Великого. В школу я ходил за четыре километра по льду замерзшего озера, и тогда открывалась, как книга, русская природа: нетронутая снежная поверхность, исписанная следами прошедших за ночь зверей и птиц; красные огромные восходы, тревожные закаты. Я любил серебряные избы с незатейливой резьбой на окнах, красные углы с потемневшими иконами, работу в поле рядом с простыми крестьянками, их северные частушки, старинные песни... Позднее все это стало темой России.

— Известно, что однажды Александра Блока попросили почитать стихи о России...

— И он ответил, что все его стихи — о России. Конечно, с Блоком можно спорить или соглашаться, но, когда меня спрашивают о теме России в моем творчестве, я всегда теряюсь, ибо вся моя жизнь, вся суть моего бытия как художника и человека связана с огромным, бесконечным миром познания России. Когда я говорю о России, я говорю прежде всего о духовном ее начале, о судьбах тех художников, которые могли родиться и творить только в ее пределах, о загадочности этой страны, о ее историческом предназначении, о ее твердости в годину испытаний. Мне дороги глубина гармонического проникновения Пушкина, трагическое мировосприятие Лермонтова, нежно-лирические раздумья Тютчева, мечтательная устремленность раннего Блока... Мне дорога вся великая русская национальная культура.

Одна из книг И. С. Глазунова называется «Писатель и художник». Создана она совместно с Владимиром Солоухиным и вобрала в себя иллюстрации Ильи Сергеевича к произведениям русской классической литературы. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Мельников-Печерский, Лесков, Островский, Блок... Этот перечень можно продолжить. Работы художни-

ка, иллюстрирующие русскую классику, не только дополняют представление о том или ином произведении, но и имеют почти самостоятельное значение. «У Глазунова нет иллюстраций к Жюльо Верну или Мериме, — пишет В. Солоухин, — или Байрону, хотя чем бы не был годарный материал, но я считаю, что Эрмитаж — это нечто единственное, это подлинный оазис всей мировой культуры, сокровищница цивилизации.

Да, я ленинградец. Здесь прошло мое детство, и я помню еще извозчиков на пролетках, помню первые дни войны, развороченный черный снег от взрывов — блокадный Ленинград, из которого меня вывезли в глухую новгородскую деревню Гребло.

— И там вы увидели другую Россию, Россию крестьянскую, сельскую, которая позже войдет в ваши картины...

— Да, Россия многолика, и если бы судьба не занесла меня туда, то не открылся бы мне мир русской деревни, потому что, как и все городские мальчишки, я ездил летом только на дачу. Контрастом для меня было после города на Неве попасть в объятия российских просторов. Поражало все: зеленый бор, темные леса на берегу озера Великого. В школу я ходил за четыре километра по льду замерзшего озера, и тогда открывалась, как книга, русская природа: нетронутая снежная поверхность, исписанная следами прошедших за ночь зверей и птиц; красные огромные восходы, тревожные закаты. Я любил серебряные избы с незатейливой резьбой на окнах, красные углы с потемневшими иконами, работу в поле рядом с простыми крестьянками, их северные частушки, старинные песни... Позднее все это стало темой России.

— Известно, что однажды Александра Блока попросили почитать стихи о России...

— И он ответил, что все его стихи — о России. Конечно, с Блоком можно спорить или соглашаться, но, когда меня спрашивают о теме России в моем творчестве, я всегда теряюсь, ибо вся моя жизнь, вся суть моего бытия как художника и человека связана с огромным, бесконечным миром познания России. Когда я говорю о России, я говорю прежде всего о духовном ее начале, о судьбах тех художников, которые могли родиться и творить только в ее пределах, о загадочности этой страны, о ее историческом предназначении, о ее твердости в годину испытаний. Мне дороги глубина гармонического проникновения Пушкина, трагическое мировосприятие Лермонтова, нежно-лирические раздумья Тютчева, мечтательная устремленность раннего Блока... Мне дорога вся великая русская национальная культура.

Одна из книг И. С. Глазунова называется «Писатель и художник». Создана она совместно с Владимиром Солоухиным и вобрала в себя иллюстрации Ильи Сергеевича к произведениям русской классической литературы. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Мельников-Печерский, Лесков, Островский, Блок... Этот перечень можно продолжить. Работы художни-

зрения, главное, что отличает Достоевского от многих писателей и философов. Родная стихия Достоевского — сумрачно-контрастная атмосфера духовного горения.

Достоевский близок мне еще и потому, что я родился и вырос в тех же кварталах, которые описаны Достоевским. Где жили, страдали, боролись и гибли его герои. В его описаниях Петербурга я ощущаю город именно таким, каким он был при нем. Я много раз прошел по всем квартирам, которые снимал писатель, не сосчитать, сколько раз я ходил по улицам и, быть может, теми же маршрутами, что и он. Достоевский — неисчерпаемая тема для меня как для художника.

Илья Глазунов — художник широкого диапазона. Он остро, почти физически ощущает быстротечную современность, глубоко проникает в пласты веков. В современниках — строителях БАМа или Нуренской ГЭС он видит черты, привнесенные от дедов и прадедов, и, наоборот, с его полотем, посвященным 600-летию Куликовской битвы, на нас смотрят суровые, строгие лица, в чертах которых угадывается решимость бойцов Великой Отечественной войны. Глазунов — один из самых известных в мире современных художников. И все-таки я спросил его:

— О вашем творчестве высказываются весьма противоречивые оценки: одни видят в вас большого русского художника со своей темой, своей проницательностью на мир, своим духовным началом. Другие разочарованно уходят от ваших полотен, третий стоят перед ними в сомнениях. А что вас больше волнует: принятие или неприятие того, что вы делаете в искусстве?

— Не хочу быть прямолинейным и однозначно отвечать на этот вопрос. Скажу лишь, что с той поры, когда в Москве была организована первая моя выставка, и с той поры, когда на Международном конкурсе молодых художников в Праге я получил первую свою большую награду — «Гран-при», прошло уже более четверти века. Эти четверть века своей жизни я посвятил искусству, утверждению в нем идеалов добра, народных идеалов русской истории, познанию характера русского человека.

«Полина». Из иллюстраций к роману Ф. Достоевского «Игрок».